

ШЕСТЬ ДНЕЙ

Келли Оуэн

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Сое)6-4

Полтергейст Пресс

КЕЛЛИ ОУЭН

Шесть дней/Келли Оуэн — Полтергейст Пресс, 2020. — 252с.
ISBN: 978-1-913138-61-5

Дженни Шульц просыпается в темном подвале, не помня, как она там оказалась. Без связи с внешним миром женщина начинает размышлять о своем прошлом, отчаянно пытаясь понять, кто из обиженных ею достаточно зол и порочен, чтобы такое сотворить. После обнаружения оставшихся от предыдущего пленника вещей — тарелки, зуба и кости — Дженни предстоит победить в схватке с собственными демонами, а затем вынести пытку временем. Нацарапанные на каменных стенах отметины заставляют ее задуматься о том, что произойдет дальше. Что случится через шесть дней?

Первое Издание

Публикуется по договоренности с автором

© Полтергейст Пресс, 2020

© Kelli Owen, 2010

© Т8 Издательские технологии, печать 2020

ISBN: 978-1-913138-61-5

www.poltergeistpress.com

*Маме — за то, что всегда просила устроиться на работу,
но никогда не наталкивала на мысль перестать мечтать.
Можно отцу прочесть эту книгу?*

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо Аманде и Марку — за все, ничто и то, что таится в неизведанных пространствах где-то между тем и другим; Бобу Форду, Рону Дики, Нейту Созарду, Кэсси Кин и Греггу Уинклеру за то, что прочли; Дженни — с района — Браун за то, что выслушала; миссис Хонц за наточенные карандаши; Дейву Томасу за красную ручку; Би и Лампи за то, что безжалостно столкнули вниз, увидев меня балансирующей на краю пропасти.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мало для кого я стал бы писать предисловие. Не потому что не хочу, просто у меня, честно говоря, не хватает времени. Особенно сейчас. Через три дня я еду на фестиваль, а последние две недели собирал вещи и готовился к переезду, который начнется примерно через шесть часов. Но дедлайн есть дедлайн, и порой приходится усердно работать.

В данном случае, упусти я такую возможность, винил бы себя до изнеможения.

Видите ли, я знаком с Келли Оуэн, что не очень-то удивительно. Я уже давно ее знаю: еще когда она вела небольшой сайт horror-web.com, и не только вела, но и писала множество обзоров. Возможно, я раскрою секрет, но мне за это ничего не будет. Я покрупней Келли и к тому же за тысячу миль от нее. Думаю, к тому времени, как она узнает, будет уже слишком поздно.

Нужно иметь в кармане парочку занятных историй о знакомых писателях — по крайней мере, я так считаю, — поэтому я и раскрываю эту тайну. Как я уже сказал, я редко пишу предисловия. Счета надо оплачивать и прочий вздор.

Вернемся к истории. Если память не изменяет, именно на «Хоррорфайнде», одном из лучших хоррор-фестивалей, я впервые лично встретил Келли. Тогда она представлялась другим именем. Угадайте каким. Или просто купите Келли пива, если увидите ее на фестивале, и, возможно, она вам расскажет. Сама Келли в то время еще не писала рецензий на мои произведения, но на ее сайте были обзоры, и, так как у нас имелись общие знакомые, мы зависали в последнем расположенном в закрытом помещении пристанище для курящих — гостиничном баре. Кстати, я уверен, что этого самого пристанища уже нет, но я не против — бросил курить пару лет назад.

В общем, мы болтали — Келли, я и еще парочка человек, — когда до меня донеслись ее слова о том, что она всегда хотела написать роман.

Слушайте, если вы так при мне скажете, то я почти со стопроцентной вероятностью спрошу, что же вас останавливает. Затем методично раскритикую первые пятнадцать оправданий, которые вы придумаете. Скорее всего, замечу, что не только написал роман, но еще и продал его. Я сделал это, хотя в старшей школе был троечником и не учился в колледже. Я не хвастаюсь, просто привожу пример: если такой тупоголовый бездельник, как я, смог написать и продать роман, то что же, черт возьми, останавливает вас? Можете назвать это мотивирующей речью, если хочется. Это упрощенная версия. Также можете считать мои слова аналогом фразы «меньше болтай, больше делай».

Девять раз из десяти после подобной речи люди, с которыми я говорю, умолкают и пытаются мысленно отыскать подходящие отговорки. Собеседники больше ими не делятся, потому что знают, с какой радостью я потрачу время на их критику.

Но Келли Оуэн так не поступила.

Нет. Она сделала неожиданное — действительно выслушала меня. Справедливости ради стоит сказать, что Келли, возможно, слушала и других людей. Но по большей части она прислушивалась к самой себе, потому что глубоко внутри хотела вновь писать художественную литературу. Я сказал «вновь», так как Келли уже писала, когда была моложе, пока жизнь, вероятность неудачи и с десятков других причин не лишили ее радости сочинительства. Это действительно радость, к слову. Это удовольствие и зависимость, прекрасный вид самотерапии и отличный способ избавиться от накопившегося за день напряжения — могу привести еще сотню перифраз, но, думаю, я донес свою мысль.

Вы держите в руках результат того разговора в баре. Это не моя заслуга. Я только повторил то, что прежде говорил уже сотню раз, указал, что оправдания не перестают быть лишь оправданиями. Если действительно хочешь стать писателем и у тебя есть хоть капля таланта, то все получится. Я тому живое подтверждение. Возможно, мне никогда не дадут премию, но, черт возьми, как же здорово писать! Я отлично провожу время.

Можете называть это как хотите: предназначением, зависимостью, физической или эмоциональной потребностью. Результат неизменен: я наркоман. Моя жена не переставала смеяться, когда мы уезжали в отпуск и она обнаруживала, что я становлюсь дерганным, если больше суток не притрагиваюсь к компьютеру.

Келли Оуэн тоже наркоманка. В будущем она может грозить бросить сочинительство, может думать, что у нее есть такая возможность, но это будет самообман. Писательская зависимость сродни героиновой: однажды начавшись, она никуда не уйдет.

И если повезет, вы сможете на этом заработать.

Я предвижу, что Келли Оуэн заработает немало денег на своей зависимости. Не сомневаюсь в этом, потому что она чертовски талантливый писатель. У нее уверенный стиль, лучше, чем у многих авторов, которые работают в этой сфере дольше нее. Келли в состоянии писать как нужно — не сдерживаясь и не вдаваясь в подробности, которые могут замедлить повествование. Не знаю, причиной тому годы размышления над «Шестью днями» или природный дар, но Оуэн раскрывается уже в самом начале романа, которым будут восхищаться и которому, скорее всего, будут не единожды подражать.

Я знаю нескольких человек (некоторым из них в этом плане следовало быть поумнее), которые искренне верят, что женщина не в состоянии написать хоррор, или триллер, или что-либо сложнее любовного романа и хорошей поваренной книги. Я в это никогда не верил. Слишком уж много доказательств обратного, но, даже если бы не нашлось опровержений этой нелепой мысли, книга, которую вы держите, выставит ее на посмешище.

Как бы мне ни хотелось рассказать о содержании романа, я не буду этого делать. В конце концов, я пишу предисловие и обсуждать то, что вы еще не прочли, будет как минимум грубо — и просто омерзительно, если я раскрою парочку сюжетных поворотов. Нет уж, этому не бывать.

Лучше вот что скажу: несмотря на любую возможную мотивацию, которую Келли могла получить с моей стороны, я не считаю ее своей протеже, ученицей или даже писателем-новичком — она уже доказала

собственную состоятельность. Келли сделала это с помощью первого черновика «Шести дней» и последующих, в которых улучшала и без того уверенный, прекрасный стиль, пока проза, что меня восхищала, не стала вызывать зависть. Черт возьми, мне бы ее чувство языка! Завидую таланту Келли — и книге в ваших руках, потому что она превосходит любые ожидания. Дебютные романы должны вызывать чувство стыда, когда оглядываешься назад и размышляешь о том, как, черт возьми, удалось продать хоть один экземпляр своих сочинений. Первый написанный роман должен быть вторичным и громоздким, а не изящным и вызывающим зависть.

С нетерпением жду ее следующих произведений. В любом случае куплю экземпляр. «Шесть дней» гарантировали романам Келли место в моем списке книг, обязательных к прочтению.

Что ж, достаточно болтовни. Устраивайтесь поудобнее, расслабьтесь и переверните страницу. Узнайте, что из себя представляет этот роман.

Джеймс А. Мур, Мариетта, Джорджия

ШЕСТЬ ДНЕЙ

Дженни открыла глаза, ничего не увидела и закрыла их вновь. Она стряхнула неестественную сонливость и моргнула несколько раз. И снова ничего. Слева — вместо будильника — чернильный мрак. Это не ее комната. Темнота казалась другой — без теней и контуров. Пустая и всеобъемлющая, она обволакивала Дженни и заставила проснуться.

Она услышала собственный всхлип. Тьма поглотила слабое эхо, и воцарившаяся вновь тишина напугала ее. Дженни зажмурилась, пожелала, чтобы глаза заработали, как надо, и, шепча молитву, снова открыла их.

Тьма поглотила надежду.

Я ослепла. Эта мысль орала в мозгу, как сирена, пока глаза Дженни метались туда-сюда, расфокусированные, словно в фазе быстрого сна. Ее взгляду не за что было зацепиться, и она застонала от страха, который пыталась сдержать. Ослепла? Она помахала руками перед лицом. Похоже, темнота была относительной — Дженни различала контуры и тени, различала нечто.

Она не видела пальцев, которыми шевелила перед глазами. Не видела очертаний рук. Но, развернув ладони от себя, она уловила свечение наручных часов — тускло светящееся в темноте пятно. Не ослепла, вздохнула она. Блеклое голубое мерцание было слишком слабым, чтобы увидеть цифры на циферблате.

— Проклятье, — раздраженный вздох слетел с губ, глаза широко распахнулись.

Собрав слюну в пересохшем рту, Дженни с трудом сглотнула и попыталась успокоиться, мыслить логически. Она поняла, что лежит на

спине. Я сплю. Это осознанное сновидение? Но она никогда не могла понять, что видит сон, не говоря уже о том, чтобы им управлять. Нет, она не спит. И она не в постели. Дженни подняла руки, опасаясь, что ее заживо похоронили, но не нащупала над собой крышки гроба. Открыла рот, чтобы закричать, и остановилась... Вдруг ее кто-то услышит?

Опершись на руку, Дженни села. Под ладонью была твердая земля — камни и грязь. Не ослепла, не сплю. Ей сразу стало легче. Она попыталась понять, почему лежит на земле? Я во тьме. Но где? Как я здесь оказалась?

Дженни изо всех сил старалась вспомнить, где она была до того, как провалилась в сон. Подтянула колени к груди, обхватила их руками. Тьма пошла цветными пятнами, тело пронзила боль. Инстинктивно она отпустила ноги и посмотрела на них. Режущие глаза радужные всполохи померкли, мысли заметались. Прежние вопросы заменили новые, но они тоже оставались без ответов.

Борясь с охватывающим ее ужасом, она сконцентрировалась на своем колене и почувствовала исходящий от кожи жар, как раз там, где должна была быть ткань джинсов. Дженни вспомнила, как надевала брюки и провела ладонью по ноге, осторожно касаясь кожи аккуратно покрашенными еще дома ногтями. От напряжения она склонила голову к плечу. Дженни нащупала край ткани, пропитанный вязкой, холодной жидкостью. Нахмурилась.

Чернильная тьма навалилась на нее, загустела, воздух стал тяжелым. От страха трудно было дышать, она почувствовала, как на глазах выступили слезы.

Боже, подумала она. Это кровь? Я истекаю кровью? Я умираю?

Она покраснела — от ужаса.

Я мертва?

— Бет? — прошептала она имя подруги, теща себя мыслью, что родственные души всегда встречаются друг друга в посмертии и надеясь, что Бет придет ей на помощь.

Дженни слушала бешеный стук своего сердца, собственное прерывистое дыхание. Никто не ответил.

ШЕСТЬ ДНЕЙ

Мертва? Это слово перекатывалось у нее на языке. Дженни выдохнула его в конце концов, постепенно осознавая происходящее. Нет. Она в сознании и ей больно. Когда-то Дженни была искренне религиозна, но даже она не могла допустить мысль, что душа может истекать кровью в загробном мире. А значит, она была ранена. Жива. Правда, оказалась она в незнакомом месте. И тут она наконец со всей ясностью поняла, что попала в беду. Дженни тут же забыла об измазанной кровью ноге и с ужасом подумала об Алане.

Хотя и не по годам развитой для своих десяти лет, Алан был еще ребенком, полным страхов и фантазий. Тот факт, что Дженни с Дэном развелись год назад только ухудшил и без того нестабильное поведение мальчика. Теперь Алан метался между родителями, как с силой брошенный мячик, разрываясь между их такими разными ожиданиями, взглядами и чувствами. Иногда Алан понимал, почему родители развелись, в другие дни просто отчаянно скучал по семье, винил во всем то себя, то их, срывался — ломал памятные вещицы, убегал на несколько часов из дому, а однажды попался на магазинной краже.

Дэн и Дженни пытались вести себя так, чтобы развод прошел как можно легче. По большому счету они справились, но это не было дружеское расставание ни для кого из них. Дженни пришлось постараться, чтобы скрыть, насколько ей противна логика Дэна.

Она заботилась о семье и о доме годами, бросила колледж, когда обнаружила, что беременна. Решив получить степень по маркетингу, она не ожидала, что Дэн сочтет это угрозой их благополучию. Конечно, он поддерживал ее в последний год вечерних курсов, но, когда она выпустилась и нашла прекрасную должность с приличной зарплатой, а не работу для новичка за гроши, все изменилось.

Она по-прежнему занималась домом и семьей, только вот теперь к этому добавилась любимая работа в городской газете на целый день. Устроившись в отдел продаж, она каждое утро занималась

рекламой местных фирм, а во второй половине дня отчитывалась перед их владельцами, а потом уходила из офиса, чтобы провести вечер с мальчиками. Она была счастлива.

А вот Дэн чувствовал себя ненужным.

Теперь у Дженни был собственный неплохой доход, прекрасная карьера, любимый сын... По словам мужа, у нее теперь было все, чего только можно желать, и он больше не чувствовал равенства в их отношениях. Стоило этой черной мысли укорениться в его сознании, как Дэн тут же разлюбил ее и начал посматривать на сторону. Он говорил, будто никогда не подчинялся инстинктам, но признавал, что желание изменить у него появлялось не раз — когда он оказывался рядом с женщинами, похожими на прежнюю Дженни. Он утверждал, что его это печалит, но он никогда не пытался бороться с собой. Два года назад, в начале марта, держа в одной руке кружку с надписью «Лучший в мире папа», а в другой ежедневную газету — ее газету! — он сказал, что уходит.

— Что? — она его слышала, но не могла поверить своим ушам: может быть, он так неудачно пошутил?

— Я ухожу. Глупо это продолжать.

Поняв, что муж говорит серьезно, Дженни предположила самое худшее:

— Я ее знаю?

— Ее? Нет. У меня никого нет.

— Фигня! — голос Дженни задрожал, набирая громкость, сказать, что она была в шоке, не сказать ничего: — Ты хотя бы ее знаешь? Или это просто случайная девчонка? Безликое, удобное оправдание...

— Я говорю правду. У меня никого нет. — Сразу стало ясно, что он готов агрессивно защищаться, отмечая сразу же все ее подозрения и обвинения. — Пока нет.

— Пока? — Она смотрела на мужа, распахнув глаза и открыв рот.

В мозгу крутились домыслы и оскорбления. Сейчас перед ней сидел не тот мужчина, с которым она прожила больше десяти лет.

— Ну, мне было на кого посмотреть, — заявил он еще громче. В глазах его застыло выражение, которое она знала по прежним

ШЕСТЬ ДНЕЙ

спорам: Дэн подбирал слова, не задумываясь о том, что скажет она. — В этом море полно рыбок, которым я нужен.

— Нужен? К этому все сводится? Думаешь, ты мне не нужен?

— Да, — холодный взгляд лишь подчеркнул резкий ответ.

— Дерьмо! Кто она?

— Я не изменил тебе. — Он глотнул кофе. — Но, да, я думал об этом, а это о чем-то да говорит.

Дженни не знала, считал ли Дэн, что лучший способ донести правду — быть кратким до грубости или ему просто было плевать.

— Да, говорит. Говорит о том, что ты урод, который готов изменить жене и разрушить семью!

— Нет. Только о том, что я несчастлив.

— А счастье можно найти в чужой постели? Эгоистичный ты сукин сын... — Гнев застилал глаза и она не смогла закончить мысль.

— Все не так просто. Речь не о сексе, а о партнерстве, о командной игре. Ты просто не хочешь, чтобы я преуспел. Но теперь это и ни к чему. И это нечестно по отношению к тебе.

— Ко мне? Нечестно по отношению ко мне?

Дэн проигнорировал ее вопросы и продолжил:

— В наших отношениях больше нет взаимности, нет былой чистоты. Мы вместе по привычке, а страсть давно ушла.

Гнев уступил место растерянности и боли, Дженни рухнула на кухонный стул, схватившись за край стола, чтобы не упасть. Уставилась на мужа, не зная, что сказать или сделать, несколько минут сдерживая подступившие к глазам горячие слезы.

— Джен, я люблю тебя. В глубине души буду любить всегда, но я на это не подписывался, — не сказав больше ни слова, Дэн поставил чашку на стол и вышел из дому.

Дамбу прорвало.

Дженни рыдала, пока во рту не пересохло, глаза не превратились в опухшие щелочки, а горло — не заныло как у подростка после концерта АС/DC. После полудня Дженни нашла в себе силы встать, вытереть лицо кухонным полотенцем, взять телефон и позвонить на работу. Коллеги пытались связаться с ней несколько раз и оставляли

сообщения. Она слышала, но не могла ответить, — настолько была потрясена.

И теперь нужно было срочно связаться с ними, пока их беспокойство не переросло в панику и они не позвонили 911. Дженни была на хорошем счету, а потому не услышала ни единого упрека, только слова сочувствия и предложения помощи. Она поблагодарила шефа и пообещала выйти на следующий день.

Когда Дэн вернулся домой к вечеру, она уже вычистила дом, постирала вещи и разделила все их совместные покупки, вплоть до приправ в кухонных шкафах. Разбирая безделушки и перебирая в голове воспоминания, она мстила по мелочам. Например, оставляла себе полные солонки. В конце концов Дэн никогда не готовил, а Дженни не собиралась снабжать приправами девицу, которую он нашел ей на замену. Она уже покормила Алана и послала его к золовке, переночевать вместе с кузенком Майклом. Алан тараторил на лицо матери, искаженное презрительной гримасой, бросал осторожные взгляды на кучи вещей, разбросанных по дому, но ничего не спросил.

Дженни ждала Дэна на кухне, на том же самом месте, где он ее оставил. Его не удивило, что она все еще там, хотя приготовления застали врасплох. Похоже, Дэн начал сомневаться. Дженни собралась с силами и ровным тоном спросила, кто уезжает из дому, а кто остается, и потребовала, чтобы Дэн переписал на нее машину. Он взял пиво из холодильника и ручку, которую она ему протягивала.

Все, что случилось потом, от разделения банковских счетов до соглашения, касательно права и количества посещений, прошло цивилизованно, даже слишком мирно — особенно, когда они общались при Алане. Во время процесса в ее глазах тлела ненависть, а в голосе звучала горечь. Судья попытался назначить ей алименты, но она отказалась. Выпрямилась — костюм ее выглядел дорого, хоть и был куплен на распродаже — и сказала решительное «нет». Одна из причин развода, добавила она, это недовольство мужа ее самостоятельностью, поэтому ей не нужны назначенные судом пособия. Ее сарказм заметили все.

ШЕСТЬ ДНЕЙ

Они разобрались с вопросами, касающимися Алана, почти без споров. Посторонний человек подумал бы, что они сортировали носки, так бесстрастно все происходило. Оба пытались показать себя с лучшей стороны, боролись за первенство в сердце сына, при этом вели себя со скрытностью опытного наемного убийцы и балансировали на гранях чувств с грацией талантливой дебютантки. Дэн сказал, что не желает ее расстраивать. Дженни знала, что не хотела критиковать мужа на публике, и ни один из них уж точно не собирался ранить Алана еще сильнее и дать другому фору в этом соревновании.

Мысли об Алане и собственной независимости, благодаря которой ей удавалось содержать семью, вернули Дженни в реальность. Картины из прошлой жизни — яркие и точные до мелочей — возникали в голове, словно она смотрела фильм. Но вскоре они поблекли и Дженни вновь уставилась в непроглядную тьму.

Как долго она отсутствовала? Алан уже должен начать волноваться? С ним все в порядке? Что, если он тоже заперт в какой-то темной комнате? Дженни оставила сына у школы этим утром по пути на работу, как и всегда.

Если, конечно, сейчас все тот же день.

Очень может быть, что Алан позвонит Дэну после того, как сделает уроки. Не потому, что соскучился именно по отцу, а для того, чтобы просто с кем-нибудь поболтать от скуки. Когда он не злился, то становился навязчивым, словно боялся, что они сорвутся и решат избавиться от него. Дэн, привыкший думать, что Дженни может сама о себе позаботиться, не будет волноваться до завтрашнего утра. Если «волноваться» вообще верное слово. Алан вначале станет чаще смотреть на часы, поищет приготовленную еду в духовке и холодильнике. Ничего не найдя, он рано или поздно сдастся и сделает сам себе макароны с сыром, а если заскучает достаточно сильно, то и помоеет посуду. Алан привык, что мать иногда задерживалась на

работе допоздна, и не будет волноваться до девяти вечера, когда придет время ложиться спать.

Алану нравилось быть одному, значит, он еще где-то час после установленного времени не будет ложиться в кровать. Затем он, должно быть, станет бродить по дому. Однажды Дженни вернулась совсем поздно и тревога, плещущаяся в глазах сына, в одно мгновение выбила ее из колеи. В конце концов он не выдержит и позвонит Дэну.

Дженни снова взглянула на наручные часы, но мерцающий циферблат почернел. Раньше она никогда не обращала внимания на то, как долго они работали, так что ей это ни о чем не сказало: ни о времени, ни о том, как давно она пропала, ни о том, как здесь оказалась. Чернота вокруг ширилась. Она подняла взгляд. Пустота превращалась в реальность.

Дженни вновь посмотрела на свою ногу, понимая: нужно убедить-ся, что рана не угрожает жизни. Прерывисто дыша, она вслепую продолжала ощупывать себя. Уже запекаясь кровь указывала на то, что рана была нанесена уже несколько часов назад. Плоть вокруг нее местами была твердой. Дженни поняла: это синяки. В остальном правая нога ощущалась целой и не болела, так что она стала ощупывать левую.

Она вела ладонями по ткани — в голове лениво кружились отрывистые, бессвязные мысли. Дженни вспомнила, как выключила поставленный на пять утра будильник и натянула спортивные штаны. Легкий завтрак — плавленый сыр и тост, потом душ после двадцатиминутной утренней пробежки в две мили. Она разбудила Алана в семь и после обычных утренних приготовлений высадила у средней школы Франклина. Оставила машину на банковской парковке — через дорогу от старой городской почты, в которой теперь размещалась «Хардинг Харольд Ньюс».

Дженни заметила, что на ней нет обуви, и покачала головой. Она помнила, что надела джинсы и бежевую блузку, коричневые ботинки и кожаную куртку в цвет, чтобы соответствовать работе, которой собиралась сегодня заняться — рекламе местных спортивных магазинов. На лбу обозначились морщины: мысли вдруг стали

ШЕСТЬ ДНЕЙ

напряженными и она принялась ругать себя последними словами. Ей вдруг показалось необычайно глупым, вспоминать каждый свой шаг. Дженни попыталась припомнить все, что случилось с ней за день. Утренние встречи в офисе, телефонные звонки, поздний ланч с Джеком — это она помнила. А после ланча...

Дженни остановилась. Картина затуманилась. Поток дел стал казаться менее детальным, ее охватили сомнения.

Ах да, она остановилась у аптеки, нужно было купить...

Что?

Она вспомнила аптеку, в середине дня полную народа, в основном пожилыми женщинами. За прилавком стоял фармацевт в годах. Он протянул ей пакет...

С чем?

Что с ней не так? Почему она не могла вспомнить подробности?

Она отправилась в аптеку, чтобы купить...

Ничего. Она не помнила. Не могла даже сказать, кому нужно было лекарство. Ей? Алану? А может, она покупала его для коллеги, как уже случалось в прошлом? Дженни понятия не имела.

Дженни начинала злиться. Она прекратила ощупывать тело и устала в темноту, пытаясь припомнить в деталях места и людей.

«Ланч, — подумала она, — вернемся к ланчу». Джек пришел раньше. Они встретились «У Сэма» — в местном кафе, которым владели два вышедших на пенсию школьных учителя. Заказали суп и сэндвич дня. Сэндвич был с тунцом. Суп...

— К черту! — выдохнула она сквозь зубы, так и не выпустив нараставшее раздражение до конца. Какая разница, что там был за суп? Продолжай!

Джек был одет в костюм. Почему? Серый костюм без галстука, но почему?

— Думай, — она выругала себя вслух, и подняла голову на звук собственного голоса.

Звук устремился в вышину и быстро стих — это навело Дженни на мысль, что она находится в закрытом помещении — комнате или, возможно, пещере.

Встреча... воспоминания вновь отвлекли Дженни. И так, Джек оделся для встречи. Какой? Не важно. Продолжай.

Они поели и направились к ее машине. Он открыл дверцу и наклонился поцеловать ее. Они договорились встретиться за ланчем в четверг.

— Ох, — простонала Дженни. — Четверг. Значит, сегодня вторник... Или он уже прошел?

Дженни улыбнулась, наконец-то найдя точку отсчета.

— Сначала ланч, потом аптека. У меня был рецепт и я...

И вновь ее мозг застыл. Воспоминания были отрывочны, а после и вовсе упирались в стену — это изумляло больше, чем пугало. Мысленно вернувшись в аптеку, она «подошла» к кассе. Вспомнила старые туфли из кожзаменителя и выцветшую юбку на женщине впереди. Над головой играла фоновая музыка — бессловесное искажение «Аэросмит». Они со стариком Адамсом, хозяином аптеки, обсудили бейсбольный матч Алана на прошлой неделе. Ни к чему не обязывающий разговор, этакая болтовня из вежливости. Она расплатилась и вышла, навстречу яркому солнцу.

— Правильно, — прищурилась Дженни, словно обращалась к кому-то или искала ответы прямо в воздухе перед собой.

Она вспомнила, как рылась в сумочке в поисках солнечных очков. Шарилась там, пока шла к машине через парковку, а потом...

Дженни вздохнула, сжав зубы, чувствуя, как от усилия вспомнить напряглись челюсти. Она попыталась подстегнуть память, но, открыв в мыслях сумочку, оказывалась здесь. Во тьме.

Одна?

Такой провал в памяти наводил ее на мысли, что ее накачали наркотиками, стукнули по голове и похитили, совсем как в глупых фильмах. Дженни не пришла бы сюда по своей воле. Впрочем, она даже не знала, где находится. Рана на ноге, свежие синяки, невозможность вспомнить события дня — все указывало на то, что она стала жертвой нападения. Но почему? Кто? Что она могла предложить в качестве выкупа? Ее озарило: теперь она искала не травмы, а следы насилия — кровь, бинты.

ШЕСТЬ ДНЕЙ

Ощупав левую ногу и руки, Дженни осмелилась дотронуться до головы, лица и шеи. За время осмотра она вздрогнула один-единственный раз, как и в случае с раной на ноге, — прикоснувшись к затылку. Волосы слиплись в том месте, где ее голова касалась пола, и их покрывала толстая грязная корка. Дальнейший осмотр, пусть и болезненный, закончился тем, что по спутанным прядям побежала тонкая струйка. Должно быть, кровь. Дженни не могла представить ничего другого.

Она прижала ладонь к затылку, надеясь остановить кровотечение, и повела плечами, надеясь хоть немного избавиться от мучительной тяжести, навалившейся на ее тело. Осознав свои истинные мотивы, она в удивлении вскинула брови. Ей нужно было чувствовать боль, чтобы понять, что происходит, ведь здесь, в крошечной тьме, глаза были бесполезны.

Понимая это, Дженни призвала на помощь прочие чувства, и решила все же обследовать помещение, в котором оказалась. Она надеялась понять, где она очутилась и как отсюда можно выбраться. Дженни уже обнаружила, что ее ботинки пропали, а теперь заметила, что не хватает и куртки. Она вытянула свободную руку, обшарила темноту перед собой в поисках пропавших вещей. Ничего не нашла. Снова нащупала камни и грязь — значит, она либо в подвале, либо в пещере.

Дженни задумалась на мгновение, почему мысль о пещере вообще пришла ей в голову, и тут же поняла, что в ней таким образом говорит надежда: пещера казалась просторней подвала и в ней обязательно нашелся бы выход. Вокруг была грязь, но Дженни не замерзла и не промокла. Жарко ей тоже не было. Температура казалась ровной, прямо как в офисе.

А еще здесь был запах.

Мускусный, гнилой, чем-то похожий на запах опавших листьев после дождя, но все же не такой приятный. Некоторые комья земли, валявшиеся вокруг, были больше других. Она набрала пригоршню, чтобы взглянуть поближе. Поднеся ладонь к лицу, она рассмеялась вслух — она по привычке еще пыталась что-то рассмотреть. Закрыв

глаза, Дженни сконцентрировалась, поднесла землю к носу и вдохнула. Старая грязь. Пахло пылью, недавно открытым мешком начавшего плесневеть гравия, который недавно намочил дождь.

Просеивая землю сквозь пальцы, Дженни заметила крохотные гранулы — скорее всего, чуть более крупные камешки. Острые грани и неровности заставили ее подумать о грязных дорогах, а не о гладком пляжном песке.

Комья побольше были не просто грязью. Она без труда сжала мягкий, размером с яйцо, кусок, выдавив из него несколько капель влаги, прежде, чем мозг отметил, какой жирной оказалась «земля». Глина. «Хорошо, — подумала она, — я все еще рядом с озером».

Твердая красная глина пятнала каждый сантиметр почвы в радиусе двадцати миль от маленького местного озера. Садовники ее ненавидели: слишком уж дорого было снимать верхний слой почвы и заменять глину купленным на фермах компостом или черноземом с удобрениями. После ливней глина окрашивала стоки, пачкала дороги, липла к колесам и вообще вся округа приобретала неприятный ржавый цвет. Дженни, которая не была ни садоводом, ни заядлым водителем, глина совершенно не раздражала. Иногда они с Аланом даже выкапывали глину и лепили из нее горшочки. Она отбросила влажный комок и услышала, как он с глухим стуком упал на пол.

Он снова зачерпнула землю и теперь у нее в руке оказался камень средних размеров. Он был тяжелым и удобно лег в руку и Дженни решила, что он может стать хорошим оружием. Она спрятала его под себя, желая сохранить до поры до времени. Дженни снова подумала, стоит ли кричать. Вернее, о том, почему она этого еще не сделала. В конце концов она решила прислушаться к своим инстинктам, так как по-прежнему не понимала, зачем она здесь и кто может таиться в темноте. А интуиция подсказывала ей, что нужно сохранять тишину и вооружиться, значит, именно это она и сделает.

Дженни подалась вперед и осторожно встала на колени, стараясь не тревожить рану и сморщилась, когда у нее это не получилось. Новая вспышка боли мелькнула перед глазами, когда острые камни и крохотные песчинки впились в рану. Плоть вокруг раны напоминала

ШЕСТЬ ДНЕЙ

ей размороженный стейк, и она, подавив крик боли, с мрачной иронией подумала, какая приправа была бы уместна в этом случае. А потом вздохнула: к черному юмору она обращалась всегда в минуты тоски или страха.

Дженни почувствовала перед собой гравий и провела руками по полу, словно сметала пыль. Кончик мизинца ударился обо что-то твердое. Она остановилась. Обводя контуры предмета, она изо всех сил пыталась представить себе его форму. Кирпич или его половинка, судя по размеру, но текстура другая. Цепляя ногтями мягкую грязь, Дженни вытащила предмет из земли и отряхнула. Цемент? Эта штука был холодней земли, с утолщениями в случайных местах. Дженни вспомнила о кусках цемента, валявшихся в переулке за квартирой Дэна, и решила, что штука, должно быть тоже сделана из цемента. Она положила ее рядом с камнем и потянулась вперед исследовать дальше. Перенеся вес на здоровую ногу, она наклонилась вперед и дотронулась до земли под собой.

Ее рука, наткнувшись на что-то твердое, замерла.

Ощупав преграду так быстро, как только могла, не меняя положения, Дженни почувствовала под пальцами холодную грубую поверхность — старую кладку. Не гладкий цемент современных фундаментов, а настоящие камни и известку, на которых держались все старые дома в округе. Это была не пещера. Она оказалась в подвале.

Дженни провела рукой по низу стены влево и задела запястьем еще один крупный предмет, торчавший из грязного пола. Она окопала его, чтобы вытащить, но он сидел в земле крепче, чем камень, и ей пришлось приложить больше усилий — в полу даже осталась ямка. Наконец, вытащив удлиненный предмет, она на ощупь вернулась назад, стараясь не заблудиться в крошечной тьме и не уползти слишком далеко от своего оружия.

Подтянув колени к груди, Дженни изучала новую находку, вертя ее в руках. Предмет был продолговатым и мог бы сыграть роль дубинки. Поверхность оказалась теплее цемента и куда глаже камня. Возможно, это кусок плавника¹? Треснувший, зазубренный с одного

¹ Продольное ребро оребренной трубы.

конца, к другому он расширился, напоминая гриб. Она улыбнулась: эта штука и правда походила на дубинку.

На краю нового оружия была небольшая выемка. Дженни перехватила предмет поудобнее и улыбка исчезла с ее лица. Узкий с одной стороны, похожий на луковичу с другой предмет напоминал... Он был размером с кость. Крупную.

Человеческую?